

оставить ли этот неоцѣненный ужинъ и спастись, или утолить голодъ и погибнуть; у него не было уже ни ума, ни сердца — онъ имѣлъ одинъ только желудокъ.

пока онъ ѣлъ и отдыхалъ, прошелъ часъ, драгоценный часъ; востокъ бѣлѣлъ неприимѣтно, и уже дальнѣе края туманныхъ облаковъ начинали одѣваться въ утреннюю свою парчевую одежду, когда Юрій, обремененный кошею съестныхъ припасовъ, собиравъ выйти изъ гостеприимной хаты.

И вдругъ раздался на улицѣ конскій топотъ и кто-то проскакалъ мимо оконъ; Юрій поблѣднѣлъ, уронилъ мѣшокъ и значительно взглянулъ на остоленѣвшую хозяйку; она подбѣжала къ окну, всплеснула руками и простодушное загорѣлое лицо ея изобразило ужасъ.

— Дѣлать нечего, — сказалъ Юрій, призвавъ на помощь всю свою твердость, — не правда ли, я погибъ? говори скорѣе, потому что я не люблю неизвѣстности...

Но хозяйка не отъѣчала; она приподняла половицу вслѣдъ печи и указала на отверстіе палицемъ; Юрій понялъ сей выразительный знакъ и поспѣшно спустился въ небольшой холодный погребъ, устроенный домашней утварью.

— Что бы ты ни слыхалъ, что бы въ избѣ ни творили сомной, баринъ, не выходи отсюда прежде двухъ днѣвъ, Боже тебя сохрани! Здѣсь есть молоко, квасъ и хлѣбъ, на два дни стаетъ... — и тяжелая доска, какъ гробовая крышка, хлопнула надъ его головою.

Хозяйка, чтобы не возбудить подозрѣній, стала возиться у печи, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Скоро дверь распахнулась съ трескомъ и воили казаки, предводительствуемые Вадимомъ.

— Здѣсь былъ Борисъ Петровичъ Палицынъ съ охотниками? — спросилъ Вадимъ у солдатки, — гдѣ они?

— На зарѣ, тѣмъ свѣтъ, уѣхали, кормилецъ!

— Лжешь; охотники уѣхали, а онъ здѣсь.

— И, помилуйте, отцы родные, да что мыѣ его прятать... вѣдь онъ, чай, не мой баринъ...

— Въ томъ-то и сила, что не твой! — подхватилъ Орленко, и, ударивъ ее плетью, продолжалъ:

— Ну, живо поворачивайся, укажи, гдѣ онъ у тебя сидитъ... а не то...

— Дѣлайте со мною, что угодно, — сказала хозяйка, поѣсивъ голову, — а я знать не знаю, вотъ вамъ Христосъ и Святая Богородица! Ищите, батюшка, а коли не найдете, не пеняйте на меня грѣшную.

Нѣсколько казаковъ по знаку атамана отправились на дворъ за поисками и черезъ

четверть часа возвратились, объявивъ, что ничего не нашли.

Орленко недовѣрчиво посмотрѣлъ на Вадима, который, прислонясь къ печи и поставивъ палецъ ко лбу, казался погруженъ въ глубокое размышленіе; наконецъ, какъ будто пробудившись, онъ сказалъ почти про себя: — Онъ здѣсь, непременно здѣсь...

— Отчего же ты въ томъ увѣренъ? — сказалъ Орленко.

— Отчего! Боже мой! отчего? я вамъ говорю, что онъ здѣсь, — я это чувствую... я отдаю вамъ свою голову, если его здѣсь нѣтъ!..

— Хорошъ подарокъ! — замѣтилъ кто-то сзади.

— Но какія доказательства и какъ его найти? — спросилъ Орленко.

Гришко осмѣлился подать голосъ и совѣтовалъ употребить пытку надъ хозяйкой.

При грозномъ словѣ: пытка, она примѣтно поблѣднѣла, но ни тѣни нерѣшимости или страха не показалось на лицѣ ея, оживленномъ быть можетъ новыми для нея, но не mente того благородными чувствами.

— Пытать, такъ пытать, — подхватили казаки и обступили хозяйку; она неподвижно стояла передъ ними и только иногда губы ея шептали неслышно какую-то молитву. Къ каждой ея рукѣ привязали толстую веревку: перекинувъ концы ихъ черезъ брусъ, поддерживающій палаты, стали понемногу ихъ натягивать; пятки ея отдѣлились отъ полу и скоро она едва могла прикасаться до земли концами пальцевъ; тогда палачи остановились и съ улыбкою взглянули на ея надувшіяся на рукахъ жилы и на покраснѣвшее отъ боли лицо.

— Что, разбойница, — сказалъ Орленко, — теперь скажешь ли, гдѣ у тебя спрятанъ Палицынъ?

Глубокоіъ вздохъ былъ ему отвѣтомъ.

Онъ подтвердилъ свой вопросъ ударомъ нагайки.

— Хоть зарѣжьте, не знаю, — отвѣчала несчастная женщина.

— Тащи выше! — было приказаніе Орленки, и въ двѣ минуты она поднялась отъ земли на аршинъ; глаза ея налились кровью; стиснувъ зубы, она старалась удерживать невольные крики... палачи опять остановились и Вадимъ сдѣлалъ знакъ Орленкѣ, который его тотчасъ понялъ. Солдату разули и подъ ногами ея разложили кучку горячихъ угольевъ; отъ жару и боли въ ногахъ ея начались судороги и она громко застонала, моли о пощаду.

— Ага! таки, наконецъ, разжала зубы; проклятая.. небойсь, какъ начнемъ жарить, тагъ не только языкъ, сами пятки заговорять... Ну, отвѣчай же скорѣе, гдѣ онъ?